

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

НИКОЛЬ
КЕЛЛЕР

Объ

ВРАГА

Николь Келлер

Дочь врага

«Автор»

2020

Келлер Н.

Дочь врага / Н. Келлер — «Автор», 2020

Она – репетитор по английскому для моего сына, ворвалась в мою жизнь, как глоток свежего воздуха, влезла под кожу и заняла особенное место в моем сердце и душе. И в жизни моего ребенка. И теперь я не знаю, как забыть эту женщину, потому что Ева – дочь моего врага, по вине которого я лишился любимой женщины и дочери. Содержит нецензурную брань.

© Келлер Н., 2020

© Автор, 2020

Содержание

ЧАСТЬ 1. Глава 1	5
Матвей	5
Глава 2	7
Матвей	7
Глава 3	9
Ева	9
Глава 4	11
Матвей	11
Глава 5	13
Ева	13
Глава 6	15
Матвей	15
Глава 7	18
Ева	18
Глава 8	21
Матвей	21
Глава 9	24
Матвей	24
Глава 10	26
Ева	26
Глава 11	29
Ева	29
Глава 12	32
Матвей	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Николь Келлер

Дочь врага

ЧАСТЬ 1. Глава 1

Матвей

– Я люблю тебя, Матвей, – улыбаясь, Лена привстает на носочки и тянется для поцелуя. Приобнимаю ее, желая коснуться сладких и манящих губ, и чувствую, что моя ладонь тонет в чем-то липком. Подношу к глазам. Кровь. В ужасе перевожу взгляд на любимую.

– Матвей... Спаси меня... – шепчет она, и ее живот стремительно окрашивается алым, а лицо становится белее простыни.

– Лена! Лена! Смотри на меня!

– Спаси меня... спаси... Матвей...

И моя жена тает на глазах, оставляя лишь меня, потерянного и разбитого, по локоть в ее крови.

– Ты не смог... Не смог меня спасти... – слышится обреченное и грустное сверху...

И я просыпаюсь. Всегда просыпаюсь на этом моменте. Вот уже пять лет. Каждую ночь мне снится моя любимая женщина, которая умерла у меня на руках по моей вине, а я не смог ее спасти. Ее и нашу не рожденную дочь, появления которой мы ждали всей нашей небольшой семьей.

Сердце бешено колотится, я весь покрылся липким потом от страха, а простыни подо мной можно отжимать. Встаю с кровати и подхожу к окну, распахивая его настежь.

И опять пустота пульсом бьет у виска...

Да, именно так. Я давно ничего не ощущаю внутри себя, кроме этого разрушающего чувства. Пустота. Она убила меня, оставив только оболочку, вынужденную существовать.

Прикрыв глаза, глубоко вдыхаю воздух, пропитанный озоном. Это начало моего ритуала, который я провожу каждую ночь. Малейшее отклонение – и я срываюсь. Бессонница, которой я страдаю последние пять лет, или как ее называют странным словом «инсомния» – самое безобидное, что происходит со мной. Но все мои психологи, которых я посетил за эти годы, утверждают, что все мои проблемы идут с головы и основаны на глубоком чувстве вины. А какие чувства я должен испытывать, если моя жена, женщина, которую я любил больше этой жизни, которой дышал, прикрыла меня собой, пожертвовав жизнью?! Ведь это я должен был ее защищать, оберегать от всего этого дерьма! Должен был не допустить, чтобы оно ворвалось в нашу жизнь! Я обещал! Клялся!! Ведь это все произошло из-за моей работы, бизнеса. Желания контролировать все и заработать еще больше денег. Денег, которые сейчас лежат на счетах и никогда не принесут мне радости. Если бы это помогло мне вернуть Лену, я сжег бы все дотла...

Сегодня тот самый день, который был прожит тысячи раз, и вгрызается холодом в душу. Он душит меня, лишает дыхания и возможности жить дальше. Но, к сожалению, Лена не оставила мне выбора.

Дождь стоит стеной. Пять лет назад я терпеть не мог пасмурную погоду. А сейчас это стало моим спасением. Ведь бегущие потоки воды могут смыть прожитый день, воспоминания, в них можно скрыть слезы, на которые ты не имеешь права...

Выхожу из комнаты, желая выйти на веранду, но по пути заглядываю в комнату к сыну – маленькому человечку, ради которого я терплю все страдания. Ради которого дышу и существую. Мой сын – мой якорь на этом свете. Тот, из-за которого я не имею права сдаваться.

Егор сладко сопит, прижав к груди медвежонка Тедди. Он не растает с ним с тех пор, как его подарила ему Лена на второй день рождения. Это единственное, что напоминает ему и связывает с матерью.

Поправляю сползшее на пол одеяло, целую в пухлую щечку и выхожу из комнаты, сбегая по лестнице на первый этаж.

На веранде занимаю свое «рабочее» кресло из ротанга, вытянув блаженно ноги, и некоторое время просто смотрю на то, как природа плачет вместе со мной.

Беру с низкого журнального столика ноутбук и открываю аналитические сводки. Так проходит моя каждая ночь: я просыпаюсь от кошмара, выхожу на улицу и сажусь за работу. Нет, я не трудоголик, просто в моей жизни не осталось никакого смысла, кроме сына и работы. Работа – то, что помогает мне отвлечься от обвиняющих и грустных глаз жены, от ее умоляющей просьбы спасти.

Зажмуриваюсь, отгоняя посторонние мысли, встаю со своего излюбленного места и бреду на кухню, сделать кофе. Завтра Марина Владимировна, моя незаменимая помощница по дому, будет недовольна: она пытается заботиться обо мне и следить за режимом питания, и очень не одобряет мои ночные «дежурства», как она называет мою бессонницу.

– Угробите все здоровье, Матвей Михайлович, – ворчит наутро Марина Владимировна, собирая многочисленные грязные чашки с журнального столика.

– И вам доброе утро, – усмехаюсь, не отрываясь от монитора ноутбука.

– Вас там, кстати, уже ожидают, – произносит, недовольно поджав губы.

– Кто? – хмурюсь, потому что никого сегодня не жду. Я в принципе никого и никогда не жду и не зову в свой дом. Это правило номер один – нет посторонним в моей берлоге. В первую очередь из соображений безопасности: после трагедии с Леной я стал параноиком. Потому что если что-то случится с сыном... меня просто не станет.

– Очередной репетитор для Егора. Вы сами назначали собеседование на девять.

Потираю ладонями лицо, разгоняя усталость. Черт, совсем вылетело из головы. Кажется, мой режим начинает сказываться.

– Марина Владимировна, проводите девушку в мой кабинет. Я буду через пять минут.

– Я бы такую... девушку на порог не пустила, не то что в дом, – ехидно произносит домработница, но все-таки направляясь к видеофону, чтобы отдать распоряжение пропустить.

– Почему?

– Сами увидите. Уверена, она не отнимет у вас много времени.

Ровно через пять минут вхожу в кабинет и застываю на месте. Теперь я понимаю, что имела в виду Марина Владимировна. Но все же она ошиблась...

Глава 2

Матвей

У окна спиной ко мне стояла, обняв себя руками, очень необычная девушка. Невысокого роста, хрупкая, как тростинка, в простом белом платье она напоминала какого-то сказочного персонажа. Но не это выделяло ее среди массы других. У нее были длинные, до пояса волосы... нежного лавандового цвета.

– У вас очень красивый сад, – не поворачиваясь, продолжая смотреть в окно, произносит незнакомка. Интересный кадр. Я слегка удивлен и сбит с толку, и мне ничего не остается, как подойти и встать рядом, потому что я не привык общаться со спиной. – Но он неживой. Чувствуется уход, забота, но тут больше говорит за себя шаблонность, – продолжает тем временем девушка, чем повергает меня в шок.

Садом действительно занимается работник. Лена обожала садоводство, сама пересаживая и ухаживая за цветами, которых было великое множество самых разнообразных сортов.

После ее смерти я очень старался поддерживать единственное, что напоминало мне о любимой женщине. Но не смог. Я и это разрушил, точно также, как наши жизни.

В одну из ночей, после очередного кошмара, я не выдержал и, облив все бензином, сжег дотла. Я смотрел, как языки пламени уничтожают одну из последних нитей, что связывала меня с Леной, сгорая заживо в этом пламени вместе с мини-садом. А наутро, одев броню для окружающих, и похоронив себя заживо в своей боли, нанял садовника, чтобы разбил новый цветник. Но он сказал, что на пепелище уже ничего не будет расти, все умерло. Прямо как в моей душе. И так появилась новая альпийская горка, на которую мы сейчас и смотрели с незнакомкой.

– Так зачем вы пришли? – спрашиваю, разглядывая профиль девушки. И неожиданно мне нравится то, что я вижу. Резко очерченные скулы, пухлые губки и круглый, немного вздернутый носик.

– Вообще-то вы сами назначили мне собеседование на сегодняшнее утро, – немного иронично, вздернув бровь, отвечает девушка.

– Но я ждал учительницу...

– А я разве не могу ею быть?

– Если начистоту, то я не так представляю себе человека, что сеет в детские головы разумное, доброе, вечное.

– Очки в роговой оправе остались дома. А пучок растрепался по пути к вам. На метле, знаете ли, скорость-то приличная, – острит незнакомка.

И ей снова удалось меня удивить. Я не сдержался и расхохотался в голос. Эти стены не слышали моего смеха вот уже пять лет, а незнакомке за несколько минут пребывания удалось вывести меня на эмоции.

– Ух ты! Ты фея из сказки? – неожиданно раздался голос Егора от двери. Мы оба, словно застигнутые за чем-то постыдным, резко поворачиваемся к сыну.

– Нет, к сожалению, я самая обычная. И имя у меня простое – Ева. А ты, наверно, Егор?

– Да, очень приятно познакомиться, – важно, словно он уже давно взрослый, отвечает сын.

– И мне.

– Пап, ну, мы пошли тогда заниматься? – Кажется, мой Егор только что принял фею с лавандовыми волосами на работу без моего участия.

И тут Ева впервые за все время поворачивается ко мне лицом, вопросительно глядя на меня, а я отшатываюсь от нее, как от прокаженной. Потому что смотрю в глаза, что являются ко мне во снах каждую ночь и смотрят с укором...

Глава 3

Ева

Наконец-то с чувством выполненного долга я захопываю последнюю тетрадь. На часах полтретьего ночи, контрольные проверены, а мне вставать меньше, чем через четыре часа. Но я не жалуясь, потому что люблю свою работу, и осознанно выбрала профессию учителя английского языка.

Я из обычной неполной семьи, и поэтому выбор профессии у меня был небольшой. Я хотела после девятого класса пойти учиться в колледж, чтобы в дальнейшем помочь моей мамочке, что трудилась на двух работах всю мою сознательную жизнь, но она не позволила.

– Ты – девочка, Ева, и ты должна вырасти самостоятельной и независимой, и у тебя обязательно должно быть высшее образование! Чтобы в случае чего ты могла на себя рассчитывать. И я жизнь положу, но у тебя будет «корочка».

К сожалению, все вышло так, как «хотела» мама. По ее настоянию я поступила в ВУЗ. Я очень люблю детей и всегда хотела, чтобы моя жизнь была связана с ними, поэтому выбрала профессию учителя осознанно. Каждый день я была благодарна мамочке, что позволила мне немного прикоснуться к мечте.

Гром грянул, когда я училась на третьем курсе. Прямо во время пары раздался звонок. Я скинула, но абонент оказался настойчив и набрал меня снова. Когда телефон зазвонил в третий раз, я поняла, что случилось что-то серьезное.

Выслушав говорившего мужчину, я, не обращая на косые взгляды сокурсников и окрики преподавателя, рванула к двери, на ходу набирая номер такси. Несмотря на то, что была глубокая осень, я забыла пальто и выбежала прямо в рубашке и юбке, совершенно не чувствуя холода.

Уже в больнице я слушала врача, что смотрел на меня с грустью и обреченностью в глазах:

– Ева, ваша мама сегодня упала в глубокий обморок, а потом у нее открылось носовое кровотечение. Мы взяли у нее анализы, и пока оставим в отделении под наблюдением.

– Она поправится? – это все, что я хочу сейчас услышать. Мне важно знать, что с моим самым близким и дорогим человеком все будет в порядке, что у нее банальное переутомление или что еще бывает в таких случаях.

– К сожалению, я не могу дать никаких гарантий. Надо наблюдать и дожидаться результатов анализов.

– Я могу ее увидеть?

– Да, конечно, только недолго. Ваша мама себя неважно чувствует и устала.

Сердце сковывает болью, когда я вхожу в палату. Там четыре койки, мама лежала, прикрыв глаза, на той, что у окна. Она действительно выглядит неважно: темные круги под глазами, впалые щеки и болезненная худоба. Я давно говорила ей, чтобы бросала вторую работу, потому что с каждым днем мама выглядела все более уставшей и таяла буквально на глазах. Но разве с моей упертой мамой можно спорить, если она что-то вбила себе в голову?!

– Кроме меня тебе, Ева, никто не поможет. И я смогу спать спокойно, если буду знать, что сделала все ради твоего благополучия.

Правда в ее словах действительно есть. Мама – единственный близкий мне человек, как и я для нее. Отца я никогда не видела и не знала. Он был старше мамы на одиннадцать лет и бросил ее, когда она сообщила ему о беременности. Вернее, они даже и не встречались, он просто воспользовался моей мамочкой и свалил от ответственности.

Мама даже не допускала мысли, чтобы сделать аборт, за что я ей была безумно благодарна. Она была на втором курсе института, когда узнала, что в положении. Конечно же, университет пришлось бросить и искать работу, чтобы прокормиться. И с тех пор вкалывать ради нас вошло у нее в привычку. Я помогала ей, чем могла, выполняя курсовые и дипломные, но это мой максимум, потому что мамочка строго следила, чтобы я не вздумала устроиться на работу в ущерб учебе. И ее хоть и молодой, но уставший и ослабленный организм не выдержал.

Врач, что вчера осмотрел мою маму, сегодня толкнул меня в преисподнюю, лишь назвав диагноз.

– Какие у нее шансы, доктор? Что мне нужно сделать? Только скажите, я землю переверну, но моя мамочка должна жить! Она должна увидеть, как я получу свой красный диплом, как выйду замуж, в конце концов, она ни разу не была на море!!

– Мне очень жаль, Ева, но все, что вы можете сделать – обеспечить ее медикаментами, чтобы хоть как-то облегчить боли...

Но я не сдалась. Не хотела сдаваться. Не могла себе позволить. Женщина, что родила меня, дала все в этой жизни, наизнанку вывернулась, чтобы я ни в чем не нуждалась, просто ОБЯЗАНА жить! Потому что больше смерти я боюсь остаться одна в этом жестоком мире.

И я, скрыв от мамы, помимо учебы устроилась на работу и набрала учеников на репетиторство. Потому что медикаменты, которые необходимо было принимать, стоили тоже баснословных денег. Помимо всего прочего я искала клинику за границей, способную если не вылечить мою мамочку, то хотя бы приостановить развитие болезни. Но, к сожалению, все только разводило руками. Но я не собиралась сдаваться. Моя же мама не опустила руки двадцать три года назад, и благодаря ее силе духа и смелости на свет появилась я.

Но в день, когда у меня появилась призрачная надежда, все рухнуло.

– Мам, привет! – радостно воскликнула я, разгружая продукты из пакета. – У меня просто сногшибательные новости!

Но моя мама не откликнулась. Она лежала, прикрыв глаза, с полуулыбкой на губах.

– Мам... – страх начал сжимать мое сердце своими стальными щупальцами. Я коснулась ее руки, она оказалась холодной. – Мама! Мамочка, очнись!! – уже кричала я, отчаянно тряся ее и ничего не замечая из-за слез. – МАМА!

Кто-то из медперсонала оттащил меня за плечи, а мою маму, осмотрев, накрыли простыней с головой.

Я проиграла. Проиграла в этой игре со смертью, где у меня заведомо был плохой набор карт и ни одного козыря. И всю жизнь мне придется нести крест из-за того, что я не смогла помочь человеку, который отдал за меня жизнь в буквальном смысле...

Глава 4

Матвей

Фея с лавандовыми волосами заняла все мои мысли. Не столько из-за внешности, хотя тут не совру, если скажу, что она довольно-таки необычна для девушки ее возраста. Все дело в Егоре.

После смерти Лены сын очень замкнулся в себе. Он был очень близок с матерью, поэтому тяжело переживал ее утрату: какое-то время даже отказывался от еды и говорить с кем бы то ни было. Но потом все же общими усилиями нам, мне и Марине Владимировне, удалось вывести Егора из почти депрессивного состояния. Но прежним он уже не был.

Нет, каких-то серьезных отклонений, что бросались бы в глаза, не было, но мне, как отцу, понятно, что смерть матери все же отразилась на поведении сына.

В первую очередь он никого не подпускал к себе. Егор общался со сверстниками, дружил, но закадычных друзей не заводил, соблюдая дистанцию. Очень часто я видел сына задумчивым, но своими мыслями он поделился лишь однажды.

– Папа, помнишь, ты обещал мне собаку?– спросил шестилетний Егор.

– Помню. Хочешь, мы завтра съездим и выберем щенка? Извини, раньше не получалось, я был немного...

– Я не хочу больше. Давай никого не будем заводить?

– Почему, сынок?

– Я боюсь, что однажды он уйдет на небо, как мама...– ответил тихо Егор, разрывая сердце на куски своими словами.

Я старался, как мог, чтобы со временем боль от утраты притупилась хотя бы у ребенка, но стоит признать, что удавалось мне это из рук вон плохо. В детском саду, в который я отдал Егора по настоянию Марины Владимировны, тоже пытались обратить внимание, что ребенок тяжело сходится с коллективом. Я объяснил причину, воспитатели вроде бы поняли, но психолог все же продолжала следить за моим ребенком.

Я думал, что в школе дела наладятся, все же другой возраст, другое окружение и интересы, но нет, все осталось также: Егор общался с одноклассниками, учился на отлично, даже посещал какие-то кружки, но друзей не заводил, а все выходные проводил или за чтением книг или за просмотром обучающих роликов. Не ребенок, а мечта, скажут многие. Но только не я. Я бы предпочел, чтобы меня вызывали к директору или классному руководителю, потому что мой сын подрался, разбил окно или еще как-нибудь набедокурил, чем знать и чувствовать, что маленькое детское сердце болит совсем по-взрослому.

Я понятия не имею, что такого особенного в Еве, может, она действительно фея из сказки и умеет творить чудеса, но эта девушка что-то неувлимо изменила в моем сыне одним лишь своим появлением!

Впервые за все время Егор вот так сходу принял постороннего человека, пошел на диалог, а ведь Ева ничего и не сделала! Есть в ней что-то такое, что притягивает, манит, возможно, сын почувствовал это также, как и я, и поддался чарам... В этот момент мой Егор выглядел, как самый обычный ребенок. И только за это огромное чудо я готов был принять ее на работу, не глядя.

Ее глаза. Вот что меня повергло в шок и всколыхнуло воспоминания о Лене, которые я в себе давил, как мог. Они точь-в-точь, как у моей любимой: глубокие, выразительные, окруженные веером изогнутых и пушистых ресниц. Под таким взглядом ты готов выполнить любое

ее желание, даже отдать жизнь. Но была большая разница, то, чего я никогда не видел в глазах Лены: боль.

Ева пыталась спрятать ее за улыбкой, за шутками, за взмахом длинных ресниц, и, возможно, окружающие и велись на ее уловки, но только не я. Я разглядел то, что она усердно старалась скрыть при первом же контакте глаза в глаза. Потому что сам встречаюсь с этой самой болью каждое утро в зеркале. Она пропитала меня, отравила душу, распространилась по телу, как раковые метастазы, и нет от нее лекарства...

– Шеф, приехали, – прервал мои мысли водитель. Бросаю взгляд на железную калитку и гипнотизирую ее взглядом. Внутренне, как ребенок, надеюсь, что все же произойдет чудо, и мои девочки выйдут мне навстречу и кинутся в объятия. Я подхватываю их, прижму к груди, зарываясь носом в волосы, втягивая такой родной запах, и буду беречь до последнего вздоха...

Но чудес не бывает, а я у Господа самый нелюбимый сын, иначе не могу объяснить, за что все это на мою голову...

Сегодня тот самый день. День, когда жизнь разделилась на «до» и «после». День, который я ненавижу всеми фибрами души.

Я беру два букета: один большой, второй – миниатюрная копия первого, выхожу из машины и иду на кладбище. Каждый шаг дается с огромным трудом, как будто к ногам привязаны десятикилограммовые гири. Но я иду. Как на эшафот. Я был здесь миллионы раз, но так и не привыкну к тому, что кладбище – это единственное место, где я могу поговорить со своими девочками.

Этот день мной был прожит тысячи раз, он вгрызается холодом в душу...

– Здравствуйте, мои любимые, – ком в горле, что душит меня, позволяет только прошептать, но я уверен, жена и дочь слышат меня.

Возлагаю цветы на надгробный камень и медленно стираю пыль с фотографии и прощальных слов:

«Единственная. Любимая. Отдавшая себя нам», а чуть ниже: «Вероника – ангел, которого нам не суждено было увидеть, но будем любить до последнего вздоха».

Я вспоминаю счастливую улыбку Лены, когда нам на очередном УЗИ сказали, что у нас несомненно будет девочка.

– Мечты сбываются, Матвей! Я так хотела, чтобы второй обязательно была доченька! Мы с ней подружимся и будем вместе ходить по магазинам, а как вырастет, будем делиться с ней секретами... – счастливо щебетала жена, обвивая мою шею двумя руками.

– Это потому что ты правильно загадываешь желания, – усмехаюсь, целую ее в кончик носа.

– Нет, это потому что рядом ТОТ САМЫЙ мужчина, который их немедленно исполняет, – и теперь уже Лена целует меня, но на это раз в губы.

Воспоминания развеиваются, как рассветная дымка, возвращая меня в реальность, от которой хочется сбежать в преисподнюю. Потому что я уверен, что ад мне покажется раем.

– Ты ошибалась, родная, – шепчу, подняв голову к небу, глядя на то, как моросит мелкий дождь. – Я – не тот самый мужчина. Я – тот, кто тебя погубил. Но обещаю, что мерзавец, посмеявшийся лишить тебя жизни, и все, кто хоть косвенно с ним связаны, умрут в муках. Он ответит за каждый прожитый день без вас, за каждое страдание Егора. Я сначала также лишу его самого дорогого, а потом он умрет самой мучительной смертью.

У меня есть незыблемое правило – никогда не давай невыполнимых обещаний. Но, к моему огромному сожалению, именно сейчас я произнес то, что никогда не смогу выполнить, как бы сильно не требовала того моя душа...

Глава 5

Ева

Я – слабая безвольная женщина, подверженная влиянию своих низменных желаний и инстинктов. Именно поэтому я смотрела на что угодно: на небо, сад, цветы, на куда-то идущего садовника, только не на Матвея. В противном случае я бы не смогла сдержаться и выдала себя если не словами, то жестами, мимикой... Выдала, насколько мне Матвей понравился с первого взгляда. Он не может не нравиться: высокий, статный, с бугрящимися мышцами на руках, от него исходит подавляющая аура силы и власти. И хочется ему беспрекословно подчиниться, отдаться, покориться...

У него потрясающие глаза: строгие и мудрые, и когда они смотрят на меня, кажется, ничего не нужно говорить, Матвей заглядывает в душу, и уже знает ответы на все вопросы. И если бы я искала себе мужчину, я бы не задумываясь, выбрала его. Потому что только рядом с этим мужчиной я знала, что можно расслабиться и быть в безопасности.

– Ты меня не слушаешь, – обиженно заявил Егор, нахмурившись и сложив ручки на груди.

Мальчик не похож на отца совершенно, за исключением глаз, их он как раз унаследовал от Матвея. И сейчас темные и не по годам умные глазки внимательно смотрели на меня.

– Прости, пожалуйста, я задумалась. О чем ты говорил?

– Ты смотришь совсем, как папа, – неожиданно произносит мальчик.

– В каком смысле?

– Папа тоже очень много думает и грустит. Он тоже скучает по маме, только думает, что я маленький и ничего не понимаю, – по-взрослому говорит Егор.

Тут не могу не согласиться с мальчиком: он гораздо взрослее и смышленнее своих лет. Я не знаю, что случилось в их семье, но это событие определенно оставило след в душе ребенка. Я не психолог, и уж точно меня наняли не за этим, но если сам Егор заявляет, что отец не говорит с ним, то возможно, ребенок носит все в себе. И ему просто нужно поделиться с кем-то своими переживаниями.

– А что случилось с мамой? Почему папа скучает? – осторожно интересуюсь, внимательно следя за реакцией ребенка.

– Мама умерла.

Его слова режут меня ножом по сердцу. Господи, что же пришлось пережить этому ребенку?! Сколько ему? Учитывая, что он во втором классе, ему лет девять, не больше. Я вспоминаю все, что чувствовала, когда узнала, что мамы больше нет, Как боролась с депрессией после ее похорон. И мне ни черта не было просто. Но на тот момент мне было двадцать два. А Егор совсем малыш...

– Иди сюда, – не выдерживаю и притягиваю его в свои объятия. Понимаю, что такое своенравное поведение со стороны учительницы может не понравиться ни самому ребенку, ни его отцу, но в этот момент мне было важно показать, что я понимаю мальчика. Что он, в конце концов, не один. – Прости, я не знала.

К моему удивлению, Егорушка доверчиво прижимается ко мне и обнимает ручки за талию.

– Ты тоже скучаешь по маме? – шепчу я ему в макушку, едва сдерживая слезы.

– Очень, – также тихо, разрывая сердце на маленькие кусочки. Я бы наверно, не задумываясь, продалась в вечное рабство сатане, только бы дети, эти невинные души не знали о смерти так рано и не росли без мамы или папы. Потому что это слишком. Потому что это за гранью.

– Ты только не плачь, хорошо? Потому что мама, она смотрит на тебя сверху, и очень расстраивается, если ты грустишь. Ты должен быть счастлив. Ради нее, – я понимаю, что наверно несу бред, но на данный момент у меня нет слов, чтобы поддержать ребенка в данной взрослой ситуации. Потому что у меня и решения этой проблемы взрослые.

– Я стараюсь. Папа тоже очень скучает, еще больше, чем я. Потому что он скучает еще и по сестренке, – вот так просто Егор говорит о таких вещах, от которых у меня стынет кровь и встают волосы дыбом. А еще хочется выть, как раненая волчица, потому что я чувствую боль этого мальчика, как бы он не старался ее скрыть.

– Сестренке?

– Да, у меня должна была родиться сестренка, но мама ушла на небо. Очень жаль, что я не познакомился с ней, но зато мама там сейчас не одна.

О, Боже.

Я прижимаю мальчика к себе так сильно, что ему, наверно, тяжело дышать. Но он стойко терпит все мои проявления чувств, словно это успокоение в первую очередь нужно мне, а не ему.

– А папа... – осторожно интересуюсь, стараясь сберечь детскую психику и не нанести еще больший урон. – Он...ну...совсем тебе не помогает?

– Он очень много работает, – просто отвечает ребенок, повернув голову к окну. Егор пытается спрятать обиду за недетской мужественностью, но все же я чувствую ее, и такая злость меня берет на Матвея.

В подобные моменты наоборот надо быть ближе к ребенку, поддержать его, а не уходить с головой в работу. Понимаю, ему пришлось нелегко, он в один миг потерял жену и нерожденную дочь, но ведь мальчик потерял мать и сестренку! Да в конце концов, он – ребенок! Егору всего девять лет, у него все детство впереди, а у меня такое ощущение, что ему внутри уже сорок.

– Как ты смотришь на то, чтобы мы сегодня прогуляли уроки? – отстраняю мальчика от себя и смотрю с хитрой улыбкой, стараясь за ней скрыть все, что творится на душе. Кто-то должен напомнить, что мальчишке всего девять, и он должен жить так, как полагается ребенку его возраста: шкодничать и веселиться.

– А как же...

– Папу я беру на себя. Уроки потом нагоним. Сегодня предлагаю погулять и познакомиться поближе.

– А что мы будем делать? – Егор улыбается так открыто и искренне, что у меня вновь, который раз за день, наворачиваются слезы за него. По сути, он для меня совсем чужой мальчишка, а душа болит, как будто это мой ребенок.

– А что бы ты хотел?

– Ну...например...Можно просто погулять в саду, – и снова этот осторожный взгляд, как будто я заберу свои слова обратно и заставлю заниматься правописанием.

– Отличная идея! Свежий воздух таким мальчикам очень полезен. Только у меня есть идея получше: я предлагаю пойти на кухню, сделать бутерброды, лимонад и пойти на качели, я их видела в углу сада. Мы покачаемся, а ты мне расскажешь, чем любишь заниматься. Попутно я буду задавать тебе вопросы, например, как произносится то или иное слово на английском. Так что считай, что урок все же состоится. Но обещаю, что не буду мешать тебе так часто.

– Здорово! Пошли скорее! – и с этими словами Егор резво вскакивает на ноги, в пару шагов оказавшись у двери комнаты. Так-то лучше. Если отец не хочет помочь этому замечательному и солнечному мальчику справиться с бедой, что свалилась на хрупкие детские плечи, то придется мне взять дело в свои руки.

Глава 6

Матвей

Что-то было не так. Но я не мог понять, что именно, как бы не старался. Казалось бы, дом такой же пустой и холодный, как и всегда, Но внутреннее чутье подсказывало, что все равно все не как обычно.

Я понятия не имею зачем нам с Егором такой огромный дом. Когда-то мы с Леной мечтали, что у нас будет, как минимум, трое детей. И тогда же моя жена сказала, что детям нужно пространство для развития. Я намек понял и на следующий же день заказал проект этого дома. И к рождению Егора мы переехали уже сюда.

Наверно, я не переехал отсюда потому, что все мои мечты и самые светлые воспоминания связаны именно с этим домом.

Поднимаюсь по лестнице, толкаю дверь в комнату сына, уверенный, что он сидит с книжкой или изучает что-то в ноутбуке. Пусто. Егора в комнате нет. Я даже не сразу это осознал, постояв в прострации несколько секунд. Выхожу из спальни и нахожу на первом этаже Марину Владимировну.

– Где Егор?

– На заднем дворе развлекается с этой – небрежно бросает домработница, поджав губы.

– Что? – переспрашиваю я, глубоко озадаченный. Что за день сегодня такой?! Партнёры пытались протолкнуть свои пункты в контракт, подчиненные безбожно косячат, теперь вот Марина Владимировна чудит.

– На качелях катаются. С этой вашей новой учительницей. Чему уж она Егорушку научит, я не знаю...

Не верю. Мне нужно это увидеть. Убедиться. Стоило мне завернуть за угол дома, как я услышал веселый детский смех. Смех моего сына, который я не слышал вот уже пять лет. Я остановился поодаль, не желая быть замеченным и разрушать иллюзию. Вдруг это игра моего воображения, и стоит мне моргнуть, как картинка исчезнет?! Но нет, Ева что-то рассказывает Егору, а мой сын открыто смеется.

Стараясь также быть незамеченным, возвращаюсь в дом и скрываюсь в своем кабинете. Но отвлечься и поработать не получается, потому что я все время отвлекаюсь на смех сына. Вспоминаю, как Егор любил эти качели, как также хохотал, когда Лена раскачивала его, и он кричал:

– Смотри, мама, я лечу к солнышку на небо! – а Лена смеялась в ответ.

Выглядываю в окно в надежде увидеть свою жену, но чуда не случилось: я все также натываюсь взглядом на выющиеся лавандовые волосы.

Я злюсь. Нет, не на Еву. На себя. Потому что не понимаю, что происходит со мной. Потому что...неожиданно оказалось, что я живой. Что могу чувствовать. И мои чувства направлены на фею с лавандовыми волосами. А я не хочу ничего чувствовать! Гораздо проще, когда тебя ничего и ни с кем не связывает. Потому что однажды я уже любил. И эта любовь принесла страдания не только мне, но и моему ребенку. И повторения того кошмара наяву я не выдержу. Я не могу любить, просто не могу! Или...?

Мои мысли прерывает неожиданный стук в дверь.

– Извините, можно? – в кабинет просовывается лавандовая голова, смущенно улыбаясь.

– Заходите, Ева, – ловлю себя на мысли, что мне нравится то, как сочетается имя с ее внешностью. С виду девушка сама невинность: эти длинные волосы, легкий румянец от смущения, эти манеры и жесты...но это только на первый взгляд. В этих широко распахнутых

глазах я явственно вижу порок и искушение, а эти сочные пухлые губы так и просят, чтобы их поцеловали. Или наказали. В зависимости от ситуации и обстоятельств. И опять же я четко понимаю, что хочу и того и другого. Именно с этой девушкой. Черт!

– Матвей Михайлович, – робко произносит Ева, переминаясь на пороге.– Есть минутка? Я хотела бы поговорить.

– Проходите, присаживайтесь, – жестом показываю на кресло напротив, предлагая сесть, а сам с удовольствием слежу за девушкой. Она прекрасна: гибка, грациозна, в ней есть даже какая-то аристократичность, и я бы поверил в это, если бы точно не знал, что девушка из простой семьи. – Внимательно слушаю, – произношу, складывая пальцы домиком. От греха подальше. Чтобы не было соблазна прикоснуться. Так надежнее.

– Это касается Егора...

– Так...

– Дело в том, что... Наверно, вы замечали, что мальчик несколько замкнут и моментами уходит глубоко в себя...

– Егор абсолютно здоров, – жестко перебиваю, моментально разозлившись. Ева не первая, кто намекает, что Егора надо показать специалистам, и он нуждается в помощи психолога и психиатра.

– Я и не намекала, что с ним что-то не так! И в мыслях не было. Егор-абсолютно нормальный и здоровый ребенок. Просто в силу обстоятельств рано повзрослевший. Мы сегодня говорили с ним, и он признался... в общем, Егору вас очень не хватает, и мальчик очень скучает. И поэтому у меня к вам просьба: вы..., – Ева мнетя, отводя взгляд в сторону. Но все же глубоко вздыхает и решительно заканчивает: – Вы не могли бы проводить с ним больше времени?

Ева не сказала ничего такого, чего бы я в глубине души не знал и не понимал. Да, я действительно разрываюсь между бизнесом и сыном. Но я каждую свободную минуту стараюсь проводить с ним. Но я боюсь. Я, взрослый, тридцативосьмилетний мужик боюсь. Нет, не своего сына. А того, что я могу сделать что-то не так или сказать что-то не то, и глаза Егора снова станут пустыми и безжизненными.

Я понимаю, что Ева права на все сто, но отчего-то мгновенно зверею. И, не отдавая себе отчета, начинаю ее отчитывать, как нашкодившего ребенка.

– Напомните мне, пожалуйста, Ева, в качестве кого вы были приняты на работу?

Учительница моего сына слегка прищуривает глаза, недобро глядя на меня, но все же нехотя цедит:

– В качестве репетитора по английскому языку.

– Тогда почему вы превышаете полномочия и лезете туда, куда не следует? Или может у вас есть диплом психолога?

Ева молчит и отворачивается в сторону, сжав кулаки. Она понимает, что в данной ситуации я тоже неправ, и могла бы давно поставить на место и хлопнуть дверью, но продолжает стоять на месте, сцепив зубы. Очевидно, что ей нужна эта работа, поэтому девушка терпит мои тиранские замашки.

– Не слышу, Ева, – добавляю масла в огонь, и девушка снова поворачивается в мою сторону, одарив меня презрительным взглядом.

Мне тридцать восемь, и за свои годы я видел много прекрасных женщин. Кто-то одаривал меня загадочными улыбками, кто-то заинтересованным взглядом, некоторые заходили дальше и при первом же взгляде кидали соблазнительные намеки. Но ни одна из них не завела меня, как только что Ева. Она блеснула на меня своими небесно-голубыми глазами, а я ловлю себя на мысли, что хочу намотать ее лавандовые волосы на кулак и попробовать эти губки бантиком на вкус. Уверен, что они сладкие, как мед.

– Нет, Матвей Михайлович. Извините, что влезла не в свое дело, – едко выплевывает последнюю фразу. Знаю, что она сейчас думает, что я – деспот и тиран, но так будет лучше. Потому что я не должен к ней ничего чувствовать. Потому что мое сердце снова возвращается к жизни и не только качает кровь, но и начинает испытывать нечто, напоминающее всю эту романтическую хрень. Пусть лучше я буду деспотом и идиотом, чем потом снова пройду по стеклам, как это случилось с Леной. Я просто не имею права на любовь.

– Можете быть свободны. Завтра Егор будет ждать вас в девять утра. Прошу без опозданий.

Ева резко разворачивается на пятках и пулей вылетает из кабинета. Миссия выполнена с блеском. Тогда какого черта мне так хреново на душе?!

Глава 7

Ева

Слова Матвея до сих пор не выходят у меня из головы. Какого черта я решила, что могу играть роль семейного психолога?! Раз Матвей говорит, что я – не первый человек, кто делает подобное замечание, наверняка он уже обращался к специалистам. И раз улучшений нет, то чем могу помочь я, та, у кого вся душа и сердце шиты криво и белыми нитками? Матвей прав, мне просто надо выполнять строго свои обязанности, и будет всем счастье.

Захожу в дом без пяти девять утра и первый, на кого натыкаюсь в этом огромном коттедже – Матвей, который на ходу допивает кофе.

– Добрый день, Матвей Михайлович, – ровно и безразлично произношу, отведя взгляд и рассматривая гостиную на наличие в ней Егора. – Надеюсь, я не опоздала?

– Доброе утро, Ева. Нет, вы как раз вовремя. Даже на пять минут раньше, – отвечает Матвей, словно он – чопорный граф из Англии. Зануда, одним словом. – Егор сейчас спустится.

Киваю и прохожу к панорамному окну, делая вид, что увлеченно рассматриваю, как садовник ухаживает за цветами.

– Фея! – раздается за спиной звонкий голос Егора, миг, и вот он уже обнимает меня со всей силы.

– И тебе доброе утро! – треплю его слегка вьющиеся волосы и не замечаю, как губы сами растягиваются в искреннюю улыбку. Удивительный ребенок! Рядом с ним забываешь обо всем: о переживаниях, об окружающих, о времени. Казалось бы, только что Матвей был рядом с барной стойкой, но его там уже нет, а я даже не слышала, как хлопнула входная дверь.

– Чем мы займемся сегодня? – Егор задирает голову и с надеждой смотрит на меня. Вот хитрец, думает прогулять урок! Ничего не выйдет, потому что иногда фея – Ева превращается в ведьму на метле.

– Английским, конечно же!

Лицо Егора так смешно кривится, и он смотрит на меня знаменитым взглядом кота из известного мультика, вызывая у меня улыбку. Я стараюсь ее сдерживать изо всех сил, даже губы пришлось прикусить, лишь бы не расхохотаться в голос.

– Ну, Евааааа, ну, пожааалуйста... Ты сама вчера говорила, что свежий воздух... – теряется мальчик, вспоминая мои вчерашние слова. – Полезен для детского организма, во!

– Я от своих слов не отказываюсь, – приобнимаю мальчика за плечи, подталкивая на выход из гостиной, – но и английский очень важен и полезен для маленьких мальчиков.

– Мы можем заниматься им и на качелях, как вчера! Например, я расскажу о погоде, о себе без единого русского слова! А упражнения можно делать на веранде, где папа работает каждую ночь. – Ого! А вот это уже любопытно и интересно! – Соглашайся, фея! Ты же мне друг?

Это просто нокаут в сердце. Зная ситуацию Егора, да еще его жалобный голос с надеждой, помноженный на просящий взгляд... Вы бы устояли? Вот и я нет.

– ОК, guy! I agree. Let's start right now!¹

– Thank you, my dear teacher!² – лицо мальчика озаряет довольная и широкая улыбка до ямочек на щеках. Он только не мурлычет, как мартовский кот!

¹ Хорошо, парень! Я согласна. Давай начнем прямо сейчас!

² Спасибо вам, мой дорогой учитель!

Занятия на воздухе действительно проходят продуктивно: Егор схватывает все налету, надо только подтянуть немного произношение и некоторые моменты по грамматике. Заниматься с таким учеником – одно наслаждение, я даже не заметила, как пролетело время.

– Ева, вы с папой что, поссорились? – неожиданно спрашивает Егор, когда мы уже собирали вещи со столика на веранде. Я так и замираю с учебником в руке, глядя перед собой и не зная, что ответить этому смышленому малышу.

– Нет, с чего ты взял?

– Потому что он посмотрел на тебя...странно как-то, а ты вообще стояла спиной, как будто не хочешь с ним говорить.

Ого, да с этим парнем смело можно идти в разведку! Наблюдательный, аж не по себе стало.

– Все в порядке, малыш, можешь не переживать. Мне просто захотелось еще раз посмотреть на ваш красивый сад, а папа спешил на работу.

– Он всегда спешит... У него очень много работы, – грустно произносит Егор. У меня сердце снова рвется на куски, и опять я не сдерживаюсь и крепко обнимаю малыша. Он мне абсолютно чужой ребенок, я вижу его в третий раз, а сердце и душа болят так, как будто я – его мать.

– Не всегда, к сожалению, все бывает так, как хочется, малыш. Папа тоже грустит, что не может проводить с тобой много времени. Но он старается.

– Правда? – задирает голову и прямо смотрит мне в глаза.

– Правда.

– Фея, а ты же мне друг? – и снова этот хитрый взгляд, отказать которому невозможно, поэтому лишь утвердительно киваю, ожидая продолжения. – Тогда заберешь меня сегодня со школы? Пожалуйста – пожалуйста?

– Это...неожиданная просьба...Но почему именно я? Разве водитель отца не забирает тебя каждый день?

– Он скучный, – смешно надувает губки Егор, вызывая мою улыбку. – И не разговаривает со мной. Только по делу, как робот. А ты классная, с тобой можно поговорить обо всем – обо всем! Хоть даже на английском!

Не выдержав, все же искренне смеюсь, удивляясь находчивости мальчишки.

– А ты умеешь уговаривать! Ладно, у меня как раз «окно» в университете, думаю, успею забрать тебя.

До сих пор поверить не могу, что я согласилась на это! Я стою у ворот школы среди других мамочек и жду своего...ученика. Мне кажется, что это происходит не со мной.

Егор – не первый мой ученик, с которым я занимаюсь репетиторством. Но ни к одному из них я не привязывалась так, как к этому парню. И нет, это не из жалости, что его мама погибла. Просто моя душа сама тянется к ребенку, как будто чувствует что-то родное.

– Ева! – радостный возглас Егора отвлекает меня от моих философских мыслей. – Ты пришла! – кидается он в мои объятия, словно я действительно его мама. В груди что-то странно кольнуло, мысль мелькнула в голове, но я не успела ухватиться за нее, и она исчезла. Но ощущение, что произошло нечто важное, не покидает меня.

– Конечно, пришла. Я же обещала, – улыбаюсь и треплю мальчишку по макушке. – Ну, чем хотите заняться, сэр? Может быть, домой?

– Нееет, только не домой. Может быть, в волшебное место?

– Куда? В Нарнию?

Обнимаю Егора за плечи, и мы идем к машине, хихикая.

– Нет, но там тоже очень весело.

Через пятнадцать минут водитель привозит нас к городскому парку. Заинтересованно смотрю на мальчика и жду от него пояснений.

– Мы тут с мамой уточек кормили. Их тут много, – и Егор смотрит на меня с надеждой, как будто я откажусь. Слегка киваю головой, мы выходим из машины и медленно бредем по дорожке к озеру.

– А папа, он с тобой играет? – осторожно интересуюсь. Я помню вчерашние слова Матвея о том, чтобы не лезла, но не могу себя перебороть и отойти в сторону. Я же вижу, что Егор страдает. И даже если это обернется для меня катастрофой, я хочу помочь мальчику.

– У папы очень много работы. Он думает, что я сплю и ничего не знаю, но я иногда вставал ночью попить воды и видел, что он что-то печатал и смотрел в компьютере. Поэтому я стараюсь не мешать. Это же все для нас.

Мне нечего возразить. Впервые не нахожу слов, чтобы поддержать разговор и жалею, что спросила. Почему в этом мире такая несправедливость?! Почему вот такие малыши должны так рано взрослеть и становиться всепонимающими, вместо того, чтобы гонять мяч в футбол или играть в компьютерные игры? Мое сердце болит и кровоточит, глядя на Егора.

– Ты большой молодец, Егор. Папе с тобой очень повезло. У тебя красный носик, ты замерз?

– Немного.

– Поедем домой? Уже поздно, тебе пора делать уроки. Я завтра все проверю и буду очень строгой учительницей, – хитро прищутив глаза, шучу, увлекая мальчика обратно к машине.

А дома нас ждал сюрприз. Матвей собственной персоной в спортивных штанах и обтягивающей белой футболке. Совершенно другой, нежели в костюме: расслабленный и домашний. От его вида становится тесно в груди, и я смущенно отвожу глаза. Бурчу что-то невнятное в качестве приветствия, но, кажется, Матвей меня даже и не замечает. Совершенно счастливый Егор кидается к отцу, едва не сбивая с ног.

– Папочка! А что ты тут делаешь?

– Тебя жду. А ты вот где-то гуляешь после школы... – и бросает на меня укоризненный взгляд, словно я украла у него общение с сыном. Но в данный момент мне плевать на недовольство Матвея. Гораздо важнее, что, несмотря на то, что вчера он отчитал меня, как девочку, все же прислушался к моим словам и решил уделить время сыну. Я едва заметно благодарно улыбаюсь и понимаю, что мне пора покинуть этих двух мужчин.

– Егор, goodbye! See you tomorrow!

– Goodbye, my dear teacher!

Машу на прощание рукой и ухожу, провожаемая тяжелым внимательным мужским взглядом...

Глава 8

Матвей

Обычно сигареты помогают мне разгрузить голову. Это моя панацея ровно до фильтра. Но сегодня у меня ничего не получается. Потому что все мои мысли заняла одна фея с лавандовыми волосами. Засела там, улыбается мне скромно и возбуждает одним только невинным видом.

Сегодня я приехал к Яне не как обычно, после тяжелого трудового дня, а потому, что в моей голове поселилась одна особа, которая очень сексуально говорит на английском и весь день мешает мне работать.

– Ты сегодня какой-то не такой, – капризно тянет Яна, водя пальчиком по моей груди. Забирает у меня сигарету, глубоко затягивается и выпускает дым в потолок красивыми кольцами. Смотрю на ее пухлые губы, сотворенные умелыми руками косметолога, что так эротично обхватывают сигарету, и стараюсь переключиться.

– Не такой – это какой? – лениво спрашиваю, массируя Яне затылок, играя с волосами и наматывая их на кулак. Я знаю, что ее это заводит, и, несмотря на то, что мы кувыркались последние два часа, я готов еще к одному раунду. Яну даже спрашивать не стоит – она та еще нимфоманка.

– Задумчивый, весь в себе. Ты даже не заметил, что на мне новое белье! – капризно тянет, обиженно надув губки.

– У тебя каждый раз новый комплект.

– Этот особенный!

Лишь удивленно вскидываю бровь, иронично усмехаясь. Тяну за волосы, подтягивая ближе к себе. В глазах Яны зарождается новая волна похоти. Умница, девочка, все правильно понимаешь.

– Хватит болтать! Хочу твой рот.

Яна – моя любовница вот уже почти три года. Два года я не мог смотреть на женщин, никого к себе не подпускал. Но все же физиология взяла свое.

На благотворительном вечере мой взгляд зацепился за эффектную, ухоженную блондинку с длинными ногами, упругой высокой грудью, и соблазнительной фигурой, что была обтянута серебристым платьем. Девушка все время буквально трахала меня глазами, а когда я решил выйти и освежиться, увязалась за мной и едва ли не изнасиловала в туалете.

Мне понравилась такая инициатива, раскрепощенность и точное знание собственных желаний. Я уже начал забывать, каково оно, быть с женщиной. С Леной все было по-другому: она была хрупкой, нежной, как аленький цветочек, и я оберегал ее и боялся сделать больно. С Яной же я выпускал на свободу свою темную сторону. И это заводило ее больше всего.

Вот и сейчас моя любовница буквально легла на меня сверху, расположив ноги по разные стороны от моих бедер так, что промежностью задевала мой каменный член.

Каждое ее движение заставляло его пульсировать все сильнее, и мне хотелось схватить мерзавку и засадить ей по самые яйца. Но нет. Я придумал для строптивой женщины более изощренное наказание.

– Яна, ты знаешь, что я терпением не отличаюсь, – хриплю, предупреждая. Но чертовка, кажется, давно не получала заслуженного наказания, и забыла, что бывает, если я очень ... огорчен или расстроен.

– Я все знаю, милый. Но признай, что сейчас ты в моей власти, – произносит эта кошка, с силой сжимая мой член в своем кулачке. Прикрываю глаза и рвано выдыхаю. Думай, кошка, думай, что ты имеешь власть надо мной. Так жестоко в своей жизни ты еще не ошибалась.

Наконец Яна опускается к низу моего живота, но кружит вокруг, а к главному не прикасается. Видимо, она забыла, что бывает, если играть с Грачевым во взрослые игры.

Резко, так, что Яночка не успела сообразить, хватаю ее за волосы и резко толкаюсь в приветливо распахнутый рот практически на всю длину. Моя любовница давится, на глазах выступают слезы, но покорно принимает то, что я ей даю. Яна принимается с остервенением и примерным старанием лизать и сосать мой член, но сегодня мне не нужны эти прелюдии и смакование процесса. Я хочу быстро и жестко, возможно, даже грубо.

Фиксирую Яну на месте и начинаю трахать ее рот почти на пределе своих возможностей. По ее щекам текут слезы, тушь размазана, но она все равно стонет от удовольствия. Опускаю руку ей между ног, и действительно она там до безобразия мокрая. Отлично, тем слаще для меня будет наказание.

Сегодня Яне повезло – я уже удовлетворил свои потребности в сексе, и этот минет скорее для закрепления «результата», но удовольствия я не получил. Это просто мои физиологические потребности. И это условие – основа наших отношений. Поэтому я быстро кончил прямо ей в глотку и обессиленно повалился на спину. Яна пристроилась рядом, положив голову мне на плечо и пытаюсь привести дыхание в норму.

Спустя какое-то время я, не глядя в ее сторону, поднимаюсь и начинаю одевать брошенную у кровати одежду.

– Матвей? Что-то не так? – обеспокоенно спрашивает Яна, прикрываясь простыней и приподнимаясь на локтях.

– Все так. Минет, как обычно, был шикарен, – бросаю я будничным тоном, застегивая пуговицы на рубашке.

– Тогда почему ты так резко встал и уже уходишь?!

– Потому что я получил, что хотел.

– Останься, пожалуйста, – жалобно тянет Яна со слезами. Оборачиваюсь и едва не кривлюсь: так и есть, слезы блестят в глазах, а женщина едва сдерживается.

– Яна, ты же помнишь правило номер один, – равнодушно пожимаю плечами.

Мое самое главное правило – я никогда не остаюсь ночевать у любовниц и никогда не привожу их в свой дом. Потому что стоит дать слабину лишь раз, и каждая женщина считает, что в силах заарканить тебя. А мне не нужны отношения и чувства.

Я занимаюсь сексом практически по расписанию, и меня все устраивает. Нас с Яной все устраивало до сегодняшнего вечера. Но теперь я задумываюсь, что у нас, по сути, осталось не так уж и много времени, судя по ее поведению. Пару встреч, не более. Виной тому еще и одна фея с лавандовыми волосами, что прочно засела в моей голове. Мне даже жаль, секс с Яной был лучшим за последние годы.

– Я помню, – шепчет она мне на ухо, прижимаясь ко мне со спины всем своим молодым и упругим телом. За своими мыслями я даже не сразу заметил, что Яна поднялась с кровати и подошла ко мне. – Но можно же сделать исключение из правил. Ради меня...

– А что в тебе есть такого, чтобы я сделал ради тебя исключение? – усмехаюсь, поворачиваясь лицом к девушке и мягко высвобождаясь из ее объятий.

– Матвей! В конце концов, я не кончила! – зло и капризно восклицает Яночка.

– А вот с этого и стоило начинать, моя дорогая. Это и будет твоим наказанием.

– Но за что?!

– За то, что неопытная кошка решила подергать тигра за усы, – подхожу вплотную, приподнимая пальцами за подбородок. – Сейчас я уеду домой. А ты ляжешь на эту самую кровать

и будешь ублажать сама себя, представляя, что это я делаю с тобой. А в следующую встречу ты мне расскажешь, как довела себя до оргазма.

– Но я же не смогу, ты же знаешь! – хнычет Яна.

Довольно усмехаюсь. Знаю, именно поэтому и выбрал такое наказание. Я в курсе, что моя любовница не любит мастурбировать и делает это откровенно плохо, и ей практически ни разу не удалось довести себя до оргазма. Зато она определенно точно усвоит этот урок.

– Тебе просто следовало выполнить мой приказ, Яна.

– Матвей! Ты мне нужен! – срывается Яна на крик, все-таки не сдержав слез. Но зря она пытается применить это излюбленное женское оружие: я равнодушен к слезам. Я равнодушен практически ко всему. Потому что я умер пять лет назад возле того самого ресторана вместе с Леной.

Черт, я ошибся. Сегодня последняя встреча с Яной. Придется расставаться с ней. Сука! А ведь так было удобно! Но моя любовница решила, что может претендовать на большее и завязать со мной отношения. Но она сильно ошиблась. Я не имею права на чувства.

Я ухожу, молча хлопнув дверью, не обращая внимания на вой за дверью. Навсегда.

Глава 9

Матвей

Всю неделю я стараюсь приходить домой раньше обычного. Потому что хоть тогда и повел себя, как мудака, наорав на девушку, признаю, что Ева права. Мне стоит проводить больше времени с Егором, если не хочу, чтобы впоследствии мы стали чужими, лишь соседями, что волей обстоятельств живут под одной крышей.

Ева – действительно фея. Я не знаю, как она проводит свои занятия, и чем они занимаются, но Егор, который с некоторых пор предельно замкнут в себе, вдруг ожил и всю эту неделю ведет себя, как совершенно обычный ребенок. Этот дом стал уютнее, теплее, наполнился весельем и смехом, стал местом, куда хочется спешить после работы и проводить все свое свободное время.

Нет, мы не сделали ремонт или что-то в этом роде. Просто здесь ненадолго поселилось наше с Егором персональное солнце – Ева. И да, каждый вечер я спешу, чтобы увидеть ее хотя бы на пять минут. Потому что удивительно, но рядом с ней я тоже чувствую себя живым.

Вот только наша лавандовая фея оказалась с характером – не хотела прощать мне тот разговор и делала вид, что меня не существует. Ева всегда старалась уйти до моего прихода, либо, если мне удавалось ее застать, собиралась тут же, как только я переступал порог дома.

Сегодня я также еду домой раньше обычного. Но в этот раз я намерен сломать «ритуал» Евы. Не уверен, что ей понравится, но придется потерпеть.

– Добрый вечер, Матвей Михайлович, – здоровается Ева, не глядя в мою сторону. Она торопливо собирает книги, что разбросаны по полу вокруг них с Егором. Смотрю на сына, и встречаюсь с его умоляющим взглядом. Я понял тебя, сынок: ты тоже не хочешь, чтобы она уходила. И в который раз убеждаюсь, что принял правильное решение.

– Ева, будьте так любезны, задержитесь ненадолго, – прошу вежливо, в ее же манере, не глядя в сторону девушки.

– Что-то случилось? Это не потерпит до завтра? Я боюсь опоздать на автобус. Следующий будет только через час, и не факт, что он остановится.

– Разговор очень важный и серьезный, не хотелось бы его переносить. Не волнуйтесь, мой водитель вас отвезет. Прошу, – жестом указываю на лестницу на второй этаж по направлению к кабинету.

Ева поджимает губы, но все же идет, расправив плечи и гордо подняв подбородок. Еле сдержал улыбку: настолько забавно наблюдать за этой девушкой, что идет на простой разговор, как на заклинание.

– Присаживайтесь, Ева. Желаете чего-нибудь выпить?

– Нет, я предпочла бы перейти к сути и поскорее попасть домой. У меня еще много работы, – строптиво отвечает девушка, нахмурившись.

– Хорошо. Как раз о работе и хотел поговорить. Я же так понимаю, занятия с Егором – не единственный ваш источник заработка?

– Допустим. Не понимаю, какое это имеет значение, – Ева складывает руки на груди, подчеркнув тем самым идеальную форму. Тяжело сглатываю и с трудом отвожу в сторону глаза, ослабив галстук. Надеюсь, она не подумала ничего такого.

– Самое прямое. Скажите, вы обременены отношениями?

– Так, хватит. Моя личная жизнь вас не касается, ясно?! – неожиданно Ева вскочила с места и злобно зашипела. Ого, не думал, что этот вопрос будет для нее таким болезненным. – Не стоит совать свой нос туда, куда не положено!

– Сядьте и успокойтесь, Ева, – произношу тоном, что наводит ужас на подчиненных. Но на девушку, кажется, это не производит должного эффекта. Она занимает свое место, но воинственности не утратила.

– Коротко и по делу, пожалуйста.

– Хорошо. Я хочу попросить вас заниматься с Егором на постоянной основе.

В кабинете повисает тишина. Ева внимательно смотрит на меня, со стороны кажется, как будто она даже не моргает.

– Вы имеете в виду каждый день? – осторожно интересуется Ева, слегка прикусив нижнюю губу.

– Я имею в виду полный день. С утра до вечера. И заниматься не только английским. С проживанием. Полный пансион, если можно так назвать.

Склонив голову набок, Ева задумчиво рассматривает меня, словно диковинного зверька.

– Зачем Вам это нужно? У Егора не настолько все плохо с английским, чтобы заниматься им с утра до ночи.

Сжимаю зубы и медленно выдыхаю. Черт, не думал, что с этой феей будет так сложно!

– У вас неплохо получается ладить с Егором, он очень привязался к вам. И плюс ко всему вы очень тонко чувствуете то, что нужно моему сыну. Это очень важно, как для него, так и для меня.

Ева откидывается на спинку кресла и победоносно смотрит на меня, прищурился глаза. Ох, чую, сейчас она отыграется на мне за ту обиду.

– Вы же сами говорили, что принята я на должность учителя английского языка и только. Тем более у меня нет соответствующего диплома по психологии. Как же в таком случае вы сможете доверить мне своего ребенка? Думаю, вам следует нанять дипломированного профессионального специалиста.

Я только не рычу от злости. Эта...фея из меня просто веревки вьет. И знает же, куда надавить!

– Ева, я беру слова назад и прошу, чтобы именно вы были с Егором рядом. Не только в качестве учителя, но и в качестве...друга. Столько, сколько возможно. Обещаю, деньгами не обижу. Вам не придется больше разрываться между несколькими работами.

– То есть вы извиняетесь передо мной за те резкие слова? – прищуривает глаза и победоносно улыбается. Чертовка.

– Да. Прошу меня извинить, Ева. В тот день я был немного...на нервах, – произношу, скрипя зубами то, что она хочет услышать.

Ева широко улыбается и снисходительно произносит, словно разговаривает с одним из своих учеников:

– Вот видите, Матвей Михайлович, произнести простые слова «Извините, я был неправ» не так уж и сложно. И с вами даже ничего не произошло, – Ева грациозно поднимается со своего места и идет к двери.

– Так что насчет моего предложения? – спрашиваю вдогонку, с замиранием сердца ожидая ответа девушки.

Глава 10

Ева

Я понимаю, что Матвею очень важен мой ответ. И у меня нет поводов отказать ему.

– Согласна, – отвечаю, слегка обернувшись. Не могу посмотреть этому мужчине в глаза. Потому что я сразу же теряю голову.

Понятия не имею, почему именно Матвей так на меня действует. Отношения и чувства пока не входят в мои планы, но стоило увидеть в первый раз Грачева, сразу же поняла: я потеряла себя безвозвратно. Его аура власти, уверенность, мужской магнетизм действуют на меня так, что я хочу покориться, подчиниться этому мужчине и принадлежать ему одному.

На самом деле моя обида на его резкие слова по поводу Егора была надуманной. Мне надо было просто соблюдать дистанцию. Потому что иначе я не знаю, куда меня приведет это общение.

Но все же я соглашаюсь на его предложение. Да, противоречу самой себе, но сейчас я действую в интересах Егора. Этот ребенок настолько настрадался в этой жизни, столько пережил, что отказаться от предложенного Матвеем – преступление. Я не могу подвести мальчика, когда он только – только начал оттаивать и заново учится доверять. И если в моих силах вернуть ребенка к нормальной жизни, то я должна наступить на горло собственным принципам и убеждениям и просто быть с ним рядом.

Соглашаясь на новую работу, я думала, что смогу также успешно избегать Матвея, как делала это раньше. Но мои намерения разбились буквально в первый же день, когда я пришла к девяти утра с небольшим чемоданом.

– Доброе утро, Ева, – хозяин лично открыл мне дверь дома, и тут же забрал чемодан, задев мои пальцы. Я вздрагиваю от неожиданности и поднимаю глаза, сталкиваясь с внимательным взглядом Матвея.

– Я сделал что-то не так? – тихо спрашивает он, изучая мое лицо. Не выдерживаю его пристального взгляда, тут же опускаю взгляд на носки своих туфель, стараясь отодвинуться как можно дальше от Грачева. Он стоит настолько близко, что я втягиваю его приятный аромат парфюма, смешанный с табаком, и пьянею буквально с первого вдоха.

– Н-нет, – отвечаю также тихо, от волнения заикаясь и дыша часто – часто, что не остается незамеченным Матвеем.

– Тогда почему ты так волнуешься? – неожиданно Грачев переходит на «ты».

– Я не волнуюсь, – вру, слегка покрываясь румянцем, не смея поднять глаз. Ева, когда ты успела превратиться в застенчивую тихоню?!

– Пойдем, я провожу тебя в твою комнату и заодно все покажу, пока у меня позволяет время, – Матвей усмехается и, подхватив мой чемодан, идет по лестнице на второй этаж. Мне ничего не остается, как последовать за ним.

Идя позади Матвея, люблюсь его атлетически сложенной фигурой. Я знаю, что моему новому боссу под сорок, но он даже близко не выглядит на свой возраст. Да, у него на висках есть седина, но она абсолютно не портит Матвея, а придает ему особый шарм. У него широкая линия плеч, по которой мне хочется провести пальцами и почувствовать силу мышц. А еще невообразимо хочется уткнуться в местечко между плечом и шеей и вдыхать этот пленительный запах...

Черт, Ева, куда тебя несет?! Я специально отстала от Матвея на пару шагов и даже засунула руки в карманы джинсов, чтобы на автомате не прикоснуться к мужчине. Потому что

чувствую – мои тормоза вот-вот сорвет. Даааа, непросто мне будет работать в этом доме, очень непросто...

– Это ванная, это комната Егора, – вырывает меня из мыслей низкий голос Матвея. – А это, – разворачивается и смотрит мне в глаза глубоким взглядом. От него и предельной близости мужчины у меня снова учащается дыхание, и приятно ноет внизу живота. Только этого мне не хватало для полного счастья! – Моя спальня.

Не знаю, сколько бы мы так простояли, и к чему привела наша бессловесная игра в «гляделки», но Матвей сам разрывает зрительный контакт и, как ни в чем не бывало, проходит вперед и толкает одну из дверей.

Передо мной ослепительная комната в белых и жемчужных тонах, вся наполненная светом. Я понятия не имею, как Матвей угадал, что о таком уютном уголке я всегда мечтала!

– Нравится?

– Очень! – восторженно отзываюсь, проходя к панорамному окну. Из окна также открывается прекрасный вид на сад. – Ты прямо исполнил мою мечту! – восклицаю, оборачиваясь.

Матвей все еще стоит в проходе, сложив руки на груди и прислонившись плечом к косяку. Смотрит на меня, словно я – ребенок, у которого исполнилось самое заветное желание на Рождество. Но что-то не то.

Пристально рассматриваю мужчину и не понимаю, что смущает. Не сразу, но до меня доходит, и я начинаю широко улыбаться.

– Что? – лениво спрашивает Матвей.

– Ты улыбаешься.

– Правда?

Вместо ответа усиленно киваю головой, как дурочка. Сама не знаю, почему этот, казалось бы, незначительный факт вызвал во мне такую бурю эмоций.

– Хорошо. Располагайся и спускайся в столовую, сейчас будем завтракать.

Матвей уже почти дошел до лестницы, но я все же осмелилась и окликнула его. Мужчина обернулся и вопросительно уставился на меня.

– Улыбайся чаще, тебе так идет.

Как счастлив Егор, не передать словами. Он болтает без умолку и много смеется, а у меня на душе тепло от того, что я приняла правильное решение и перешла на эту работу.

Весь день пролетает незаметно: заниматься с Егором одно удовольствие. Странно, я видела этого мальчика меньше десятка раз, а у меня такое ощущение, что никого нет роднее. Никогда бы не подумала, что можно так быстро привязаться к ребенку...

Мысли о Матвее и его загадочных взглядах и потрясающей улыбки преследуют меня весь день. Кажется, случается то, чего я боюсь больше всего – я начинаю привязываться и к отцу мальчика тоже, а этого никак нельзя допустить!

Поэтому, стоило Матвею появиться в дверях гостиной, я стараюсь просочиться в сторону своей комнаты.

– Все в порядке, Ева? – мужчина останавливает меня, придержав за локоть.

– Да-да, конечно. Наши занятия с Егором давно завершились, вы дома, я так думаю, во мне на данный момент надобности нет?

Не поднимаю глаз, чтобы не утонуть в этом пронзительном взгляде, и чтобы Матвей не понял, что я его избегаю.

– Вы ошибаетесь, Ева. Я купил столько пирожных, что мы с Егором вдвоем их не осилим. Я надеюсь, вы любите сладкое?

Я хочу соврать, что ненавижу и вообще на диете, но в нашу беседу вмешивается счастливый Егор.

– Да-да, любит! Ева сама мне говорила, что обожает «Наполеон» и эти...как их...О! Заварные! – мальчик счастливо прыгает вокруг отца, подталкивая нас на кухню. Мне ничего не остается, как согласиться.

Ужин, как ни странно, проходит довольно в непринужденной обстановке. Я молча и со счастливой улыбкой наблюдаю за общением отца и сына. Егор рассказывает о делах в школе и совершенно по-взрослому спрашивает, как прошел день у отца. И к чести Матвея, он не отмахивается парой дежурных фраз, а рассказывает, что делал, с кем встречался. Да, возможно, половину из этого Егор не понимает, но отец разговаривает с сыном на равных, показывая свое доверие. А это важно для маленького, но уже такого израненного детского сердца...

– Ева, – и снова тихий бархатный низкий голос Матвея выводит меня из задумчивости. – Почаще улыбайся. Тебе очень идет, – возвращает он мне мою же фразу, чем заставляет меня покрыться румянцем.

Уже вечером, лежа в своей постели, я поняла, что сегодня самый теплый, приятный и счастливый «семейный» вечер за последние несколько лет. И причиной моего счастья стали отец и сын, чьи глаза наполнены болью. Но впервые за все это время я увидела в них надежду на счастье.

Глава 11

Ева

Я бегу на детский плач и зов, но никого не могу найти. Паника охватывает меня все сильнее, я несусь в неизвестном мне направлении все быстрее, но это не приносит результата: малыша найти так и не могу.

– Мама, мамочка! – слышится где-то совсем рядом.

Маленький, где же ты?! – я бегу, наталкиваюсь на какую-то преграду и... резко просыпаюсь.

– Господи, это сон... Всего лишь кошмарный сон... – бормочу, потянувшись к тумбе за стаканом с водой, и снова слышу жалобное хныканье. Замираю на месте, прислушиваясь. Я же уже проснулась, какого...? Но плач повторяется, и я понимаю, что слышу его совсем рядом. Егор!

Не раздумывая, срываюсь с постели и бегу в комнату к ребенку. Черт, где же Матвей?! Поему он не зайдет и не успокоит сына?! – проносится в моей голове, но эти мысли тут же испаряются, стоит мне увидеть Егора.

Малыш сжался в позе эмбриона, обнял одеяло двумя ручками и плачет, все время повторяя: «Мама, мамочка...»

– Егор, солнышко, проснись, – аккуратно трясую мальчика за плечо, включая ночник над головой малыша в виде веселого облачка. – Тебе приснился просто дурной сон, давай, малыш, просыпайся.

Егор распахивает глаза и сканирует меня ничего не понимающим взглядом.

– Фея? – растерянно спрашивает мальчик, когда ему удалось сесть и сфокусироваться на мне.

– Тебе приснился плохой сон, и я подумала, что тебе может понадобиться помощь... – ласково говорю я, аккуратно вытирая слезы со щек мальчика. Вижу, что Егор смущается, но ничего не могу с собой поделать: нежность и неожиданно проснувшаяся любовь к этому малышу переполняют меня, и хочется непременно с ним ими поделиться.

– Егор? – раздается взволнованное от двери. Мы с мальчиком синхронно оборачиваемся и видим растрепанного и встревоженного Матвея. Понимаю, что до неприличия пристально разглядываю мужчину, но ничего не могу с собой поделать. Он невероятно хорош в домашней одежде: босой, в просторных серых спортивных штанах, белой майке, подчеркивающей каждую мышцу. Вся моя женская сущность вопит, что хочет этого и только этого мужчину. Но я не могу себе этого позволить – служебные романы для меня табу. Как и отношения, в принципе.

Да, моя жизнь гораздо облегчилась бы, если бы в ней появился мужчина, взваливший на свои плечи заботу обо мне. Но... я уже теряла близкого человека и допустить этого еще раз просто не могу. Не смогу пережить. А мужчины... они имеют свойство уходить в закат.

– Что случилось? – осторожно интересуется Матвей, присаживаясь на край кровати. И тут же в нос ударяет особенный запах мужчины, что так кружит мне голову, смешанный с ароматом алкоголя.

– Грустный сон про маму приснился, – Егор опускает голову, скрывая выступающие слезы, но тут же вскидывает ее, улыбаясь. – Но пришла наша Фея, и все снова стало хорошо.

Матвей переводит взгляд уже на меня, и становится не по себе. Как будто я... лишняя. Как будто вторглась на запретную территорию. Туда, куда меня не звали.

– Извините, я оставлю вас, – произношу торопливо и смущенно, вскакивая на ноги. Я разворачиваюсь, но тут же маленькая ручка останавливает меня. Егор смотрит с надеждой и мольбой в глазах.

– Останься, Фея. Пожалуйста, – так проникновенно произносит этот чудесный мальчик, что у меня нет никаких причин ему отказать.

– Конечно, – улыбаюсь, возвращаясь на место. Я стараюсь не смотреть в сторону мужчины, что не сводит внимательного взгляда и, кажется, еще чуть-чуть и прожжет во мне дыру.

– Знаешь, – неожиданно обращаюсь к Егору, лишь бы занять тишину, что стала на меня давить неподъемным камнем. – Я тоже скучаю по маме.

– У тебя тоже нет мамы? – с грустью в голосе спрашивает малыш, поудобнее устраиваясь на подушке. Я чувствую, что Матвей продолжает бросать заинтересованные взгляды в мою сторону, на автомате поглаживая Егора по плечу.

– К сожалению, уже много лет. Она сильно заболела и потом ушла на небеса, – я хочу показать Егору, что он не один со своей бедой, что я понимаю его. И, к счастью, мальчик чувствует это и расслабляется, зевая в кулачок.

– А почему она не пошла к врачу? Они бы ее обязательно вылечили!

– Нет, малыш, – грустно качаю головой, поправляя одеяло. – К сожалению, доктора не все могут вылечить, – особенно раны на сердце.

– Не грусти, Фея. Хочешь, мы пойдем завтра в зоопарк после школы? Или вместо...

Вместо чего лучше пойти в зоопарк мы с Матвеем так и не узнаем – Егор успокаивается и мгновенно засыпает на полуслове. Тихонько встаю, освобождая свою ладонь, и не сдерживаюсь, целую мальчика в щеку.

Уже в коридоре меня настигает низкий голос, от которого я старалась сбежать поскорее в свою комнату.

– Ева.

Набравшись смелости, оборачиваюсь, тут же утыкаясь носом в широкую грудь. Медленно поднимаю глаза, встречаясь с затуманенным взглядом Матвея.

Ничего не говоря, – да тут и не нужны слова – он касается костяшками пальцев щеки, медленно ведя вниз. Я прикрываю глаза, полностью отключая мозг и отдавшись во власть чувств. Боже, что я творю?! Определенно я буду потом об этом жалеть, но сейчас я хочу получить то, что нужно нам обоим.

Медленно и нежно Матвей касается ключицы, а оттуда ведет к груди, задевая возбужденный сосок. И это интимное касание мгновенно отрезвляет меня, и я тут же распахиваю в ужасе глаза.

Я стою перед мужчиной, своим боссом, в одной шелковой маечке, через которую отчетливо проступает моя возбужденно вздымающаяся грудь, и в кружевных танга, что также практически ничего не скрывают!

Но Матвей не дает мне опомниться и с возбужденным стоном касается моих губ в поцелуе. Он действует осторожно, нежно, исследуя каждый миллиметр, пробуя меня на вкус. Не в силах устоять, делаю то, о чем мечтала с самого первого взгляда: прижимаюсь всем телом к Матвею, ведя руками по твердым, я бы даже сказала каменным мышцам. Я исследую руками каждый сантиметр этого сильного и притягательного тела, до которого в состоянии дотянуться.

Но выдержки мужчины хватает ненадолго: он запускает пальцы в мои волосы на затылке, слегка сжимая пряди и фиксируя мою голову на месте, подчиняя себе. А я только «за» быть покоренной этим сильной мужчиной. Даже привстаю на носочки, чтобы быть ближе и полностью в нем раствориться. Матвей буквально трахает мой рот, сплетая наши языки, заигрывая со мной.

Возбуждение обрушивается на меня, словно десятиметровый цунами. Я хватаю пряди на затылке мужчины и тяну на себя. Боже, я настолько хочу его, что готова отдаться прямо

посреди коридора на полу, потому что я совершенно точно уверена, что до кровати мы не дойдем.

Так бы оно и было, но неожиданно Матвей разрывает поцелуй. Смотрит на меня тяжелым взглядом, тяжело дыша, словно пробежал марафон, и... резко уходит без объяснений. В резком порыве хочу окликнуть, догнать и потребовать объяснений, но практически сразу останавливаюсь.

Хорошо, что у кого-то из нас голова продолжает соображать! Возможно, Матвей понял, что так нельзя, и не хочет торопить события. А может, хочет, чтобы это произошло в другой обстановке...

Я полночи лежала и перебирала различные варианты, касаясь кончиками пальцев губ, что до сих пор хранили следы его поцелуев.

А ранним утром, когда я со счастливой улыбкой буквально впорхнула на кухню, мужчина, что подарил мне крылья прошлой ночью, жестоко спустил с небес на землю.

– Ева, я хочу извиниться за вчерашний поцелуй. Это ошибка. Больше такого не повторится.

Глава 12

Матвей

Я трус. Самый настоящий. Я не боялся, когда вертелся в криминальных кругах. Когда меня прессовали по поводу бизнеса. Когда мне угрожали посреди ночи. Но я испугался, что зайду слишком далеко с одной феей с лавандовыми волосами.

Я хочу Еву. Хочу до боли в паху, но... боюсь последствий. Нет, я сейчас не о том, что женщины после секса думают, что в отношениях с мужчиной, и совсем не о беременности. Я боюсь, что мы с Егором привяжемся к девушке, а она... исчезнет. Ведь тот факт, что нас тянет друг к другу ни разу не гарантирует, что мы будем вместе до гроба. И поэтому я оттолкнул ее, и мы с Евой вернулись к тому, с чего начали – четкий нейтралитет. При моем возвращении девушка тут же оставляет меня с Егором наедине, удаляясь в свою комнату. Больше нет совместных игр, чаепитий и, к сожалению, уюта в доме. Мы просто соседи, которые живут каждый своей жизнью, и выполняют строго отведенные функции. Принять данный факт мне непросто, но так будет правильно.

– Пап, Ева на нас за что-то обиделась? – неожиданно спрашивает Егор, после того, как девушка ушла, оставив нас с сыном наедине, отказавшись поиграть в «Монополию».

– Почему ты так решил? – осторожно интересуюсь, с тревогой глядя на сына.

– Потому что она больше не хочет с нами играть. И пить чай. И вообще быть с нами вместе.

Я знал, что у меня умный ребенок, но никогда бы не подумал, что он настолько проницательный и все замечает. Треплю Егора по голове и говорю как можно увереннее:

– Сынок, Ева – тоже человек. У нее должна быть хоть капелька свободного времени, чтобы немного отдохнуть. Подумай сам, она весь день проводит с тобой, не только общается, но и занимается английским.

– Я понимаю, – грустно и тяжело вздыхает Егор. – Но очень хочется, чтобы мы вечером были все вместе. Как тогда.

Теперь вздыхаю уже я. Тяжело себе признаться, но тоже этого хочу. Все эти десять дней, что продолжается наше противостояние, я скучаю по Фее. И с каждым днем желание наплевать на собственные принципы и данное слово тает, как снег весной.

– Сынок, Еве сейчас действительно непросто. Давай дадим ей немного времени? Она привыкнет, у нее появится режим, и тогда... мы что-нибудь придумаем. Договорились?

Егор счастливо кивает, а я себя просто ненавижу. Я вру ребенку, вру себе и от того чувствую паршиво. Но... где-то в глубине души живет надежда, что в будущем все будет так, как обрисовал Егор. По крайней мере, я очень хочу в это верить.

– Ну, что? Партию в шахматы и спать?

– Чур, я хожу белыми! – счастливо выкрикивает сын, выбегая из гостиной за набором шахмат.

Лена... Моя любимая... Она стоит в легком кремовом платье, ветер колышет его и треплет пряди волос, которые моя жена так забавно откидывает назад. Лена тянет ко мне руки и шепчет со слезами на глазах:

– Спаси меня... Спаси, Матвей... Как же так, любимый? Ты не смог... не смог меня спасти...

Ее круглый живот окрашивается красным, я бегу навстречу, чтобы спасти, чтобы предотвратить трагедию, но Лена вновь рассеивается, как утренняя дымка. Но я вижу кое-что новенькое.

На месте моей жены стоит маленькая девочка с темными кудрявыми волосами и огромными голубыми глазами. Доверчиво смотрит прямо мне в глаза, проникая прямо в душу. Я раскрываю рот, чтобы спросить, кто она, но малышка опережает:

– Папочка, почему так? Я ведь хотела быть рядом с вами: с тобой, мамочкой и Егором. А теперь мне сказали, что я навсегда останусь ангелом и увижу тебя нескоро. Только если ты сам не придешь... Может, ты все-таки поиграешь со мной? – и тянет маленькую тоненькую ручку. И я медленно бреду навстречу, желая хоть раз прикоснуться к дочери, прижать к себе. Почти дохожу, но меня зовет голос. Встревоженный и испуганный. Понимаю, что теряю связь с маленькой девочкой. Я мечусь, не зная, куда мне податься: то ли навстречу дочери и обрести наконец долгожданный покой, то ли вернуться к обладательнице голоса, которой удалось покорить меня с первого взгляда...

– Матвей! Матвей, проснись, слышишь?! Немедленно! Просыпайся, я тебе говорю!

– Папочка, а как же я? Я же останусь совсем одна... – шепчет Вероника, и по ее глазам катятся крупные слезы. Тяну к ней руки, почти коснулся ее шелковых волос, но... снова просыпаюсь.

Но в этот раз все не как обычно. Сейчас я не один в моей личной преисподней.

Ева. Это она звала меня. И это именно она сейчас стоит и смотрит на меня обеспокоенным взглядом. Но при этом я сейчас испытываю смешанные чувства: с одной стороны, рад, что она пришла, значит, ей не совсем все равно на меня, а с другой – я не хочу, чтобы кто-то видел меня в таком состоянии.

– Матвей, с тобой все в порядке? – обеспокоенно спрашивает Ева, отбрасывая свои лавандовые волосы назад. Не знаю, на самом деле так или же это игра моего больного воображения, но, кажется, от Евы даже пахнет лавандой. И она снова в провокационной пижамке, которая скорее открывает вид на ее соблазнительную грудь, чем закрывает. Положа руку на сердце, мне ничего не стоит одним движением повалить ее на спину, подмять под себя и сделать наконец то, о чем я брежу с той самой ночи. Но сейчас явно не подходящий момент.

– Уйди, – говорю хрипло, поднимаясь с кровати в поиске сигарет.

– Что? – непонимающе шепчет девушка.

– Я сказал уйди! – чуть громче и строже, чем нужно говорю я, чиркая зажигалкой и затягиваясь сигаретой. Получилось даже грубо, знаю. Но меньше всего я хочу, чтобы именно Ева видела меня в таком состоянии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.